

Елена Елагина

НА ГРЕБНЕ МИФА

Слависты часто сами создают некий фильтр между западным читателем и русским писателем, считает прозаик Александр Мелихов

АЛЕКСАНДР, не так давно в Германии вы участвовали в симпозиуме, посвященном восточноевропейским литературам вообще и нашей российской в частности. Насколько я понимаю, речь там шла о положении этих литератур на западном рынке.

— Да, именно так. Этот симпозиум проходил в Зальцау, неподалеку от Кили. Председательствовала там седеющая красавица Анна-Ева Энгель, профессор Кильского университета. Участниками конгресса были в основном женщины — главные бойцы культурного фронта. Как и у нас... Все очень интеллигентные и симпатичные, какими только и могут быть люди в прагматическом обществе, занимающиеся столь невыгодным делом, как литература вообще и славянская тем более. Два дня я (при помощи переводчицы) слушал различные объяснения, почему наша русская литература (и все славянские тоже) не пользуется спросом на германском рынке. Причины указывались самые разные, в том числе совершенно неожиданные. Была даже и такая: до сих пор ощущаются следы гитлеровской пропаганды — в сильно смягченном виде, конечно.

— Речь идет только о современной литературе или о русской литературе в целом? Я надеюсь, что все же русская классика по-прежнему популярна.

— Конечно, речь идет о современной литературе. При этом современные переводчики хотят переводить своих любимых авторов и издавать их; издатели, в сущности, тоже не против. Но они ставят свои условия: если сумеете продать, скажем, три тысячи экземпляров, мы беремся. К сожалению, гарантировать этого никто не может. Приводились примеры: издали такого-то — продали 50 экземпляров, издали другого — продали 200 экземпляров за два года и так далее...

— Имена называть не будем?

— Не будем. Один видный переводчик, Вальдемар Вебер, отмечал, что русских авторов — даже тех, кто в Германии как бы и известен, — читают в основном либо эмигранты, либо потомки эмигрантов. И все те же слависты... Кроме того, были приведены слова нашего питерского писателя Валерия Попова из его «Будней гарема» — о том, что немецкие слависты имеют патологическое пристрастие к вычурным названиям ирреальных течений, которое заменяет им любовь к самим текстам. То в моде фекалисты, то вампиристы, то поствампиристы. В своем выступлении я тоже, может быть, несколько бес тактно посетовал на то, что слависты часто сами создают некий фильтр между немецким читателем и русским писателем, поскольку их интересуют не конкретные произведения, а, скажем так, явления, которым можно дать интересное название.

— Разумеется, каждый желает создать поле для своей собственной работы...

— Меня вообще давно преследует мысль о том, что это историческая расплата за Коминтерн. Как мы в свое время поддерживали на Западе любого бандита, стоило ему объявить себя коммунистом, так и они сейчас поддерживают в России любого шарлатана, стоит ему объявить себя постанти-супер-структурально-концептуально... и так далее и тому подобное. Надо сказать, зал воспринял мои сетования с олимпийским спокойствием. У меня сложилось впечатление, что там вообще не принято спорить. Кто-то высказался — выскажись и ты независи-

Прозаик Александр Мелихов (р. 1947) закончил математико-механический факультет Ленинградского университета, кандидат физико-математических наук, автор 60 научных публикаций. Протестует, когда его называют «бывшим математиком», ибо математик — это порода, как пудель. Публиковаться начал в 1979 г. в журнале «Север». Автор книг «Провинциал» (1986), «Весы для добра» (1989), «Исповедь еврея» (1994), «Горбатые атланты, или Новый Дон Кишот» (1995), «Роман с простатитом» (1997). Придерживается трагического взгляда на реальность, предполагающего конфликтность всех ценностей, а потому безостановочно ниспровергает то, что как будто бы утверждает в предыдущих вещах. Постоянно выдвигается на разные литературные премии, но практически никогда их не получает. Почти так же, как начало «Анны Карениной», известно начало его «Романа с простатитом» — «Уже мое рождение было бунтом против материи: я был зачат сквозь два презерватива».

Александр Мелихов.
Фото Александра Карзанова

мым образом, даже не ссылаясь на предыдущее выступление — мол, герр Шульц несет околесицу, и мне не терпится ему возразить.

— Все вежливо послушали друг друга и разошлись?

— Именно так. Но если вернуться к причинам, которые мешают нам, российским литераторам, там «поднялся», то диву даешься, как долго может держаться пропагандистский миф. Конечно, в достаточно смягченном виде, но тем не менее у не слишком продвинутой части населения до сих пор в ходу мнение о нашей крайней отсталости. Нас, мол, еще учить и учить, приобщая к цивилизации...

Второй миф: коммунизм уничтожает человеческую личность, и поэтом от тех, кто вышел из-под коммунистического гнета, ничего интересного ждать не стоит. Я не могу сказать, что коммунизм не подавляет личность, но личность — это хорошо знают психологи — очень сильная и очень плохо прогнозируемая вещь, подавить ее не так-то просто. Мне пришлось сказать в этом ученом собрании, что, создав в свое время огромную науку без практической цели и к тому же экономии, не направленной на прибыль, советская власть невольно создала ду-

ховную аристократию, то есть очень большой слой людей, которые могли не думать о пользе своей работы. И такого читателя, какого поставляла наша советская интеллигенция, инженерно-техническая и гуманитарная — она сидела на небольшой, но гарантированной зарплате и была почти свободна в своих разговорах, мыслях, — на Западе почти нет. Потому что читатель там обременен заботами о хлебе насущном примерно так же, как и современный российский читатель. Высокий уровень жизни вовсе не освобождает человека от земных забот, они просто относятся к другому уровню притязаний.

— Книги, кстати, во всем мире весьма дороги. Если сравнивать с нашими ценами, то они повсеместно существенно дороже.

— Это тоже важно. И вообще для литературы, для развития искусства нужен человек фантазирующий, а не человек прагматический. Человек, который очень твердо различает, что есть и чего нет, и занимается только тем, что есть — реальностью, и при этом не способен плакать над тем, чего на свете нет и никогда не было, такой человек не станет переносить по поводу вымышленных фигур, вроде Гамлета или Дон Кихота... И когда человек

фантазирующий окончательно вытеснится человеческим прагматическим, духовная культура просто исчезнет, если даже при этом материальная, потребительская культура будет весьма развита. Так что в этом смысле Россия, как мне кажется, до сих пор и осталась одной из самых благоприятных для писателя страной. Другое дело, что материальных препятствий у нас множество, но читатель все еще благодарный. На этом же симпозиуме, правда в кулуарах, одна переводчица посетовала на то, что немецких детей родители в последнее время стали бояться перегрузить — «ребенку надо побыть ребенком». Но, на мой взгляд, если ты в 13 лет желаешь побыть ребенком, то ты им останешься и в 35, и в 74.

Интересно, что среди прочих факторов угасания интереса к русской литературе было названо падение уровня толстых журналов, которые раньше, считалось, держали высокую планку. Мне ничего не оставалось, как возразить, потому что все равно толстые журналы остаются едва ли не единственными центрами, где, высокопарно выражаясь, горит интерес к литературе. И кроме того, это почти единственные витрины, к которым стягиваются интеллигентные читатели, зная, что там выставлен если не шедевр, то уж и не самая последняя дрянь. Какой-то гарантированный минимум...

— А если вспомнить повседневную жизнь редакции нашего питерского журнала «Звезда». Это же настоящий культурный центр города, где проводятся очень интересные конференции, причем международные, — недавно прошли Первые Довлатовские чтения, год назад была конференция по Бродскому... Это еще и выставочный зал.

— Конечно. А когда я, выступая на семинаре художественного перевода Кильского университета, зашел на кафедру славистики, то с удовольствием обнаружил на столе у заведующего кафедрой свежий номер «Нового мира»...

Любопытен еще один поворот нашей темы. Участники симпозиума в один голос говорили о повышенном спросе на женскую литературу из России. Немцев — чаще, вероятно, немки — интересуют судьба самой обыкновенной женщины, как она горюет, надеется, выходит замуж, страдает. Кстати, один немецкий книготорговец полагает, что этот спрос сформирован прежде всего тем обстоятельством, что большинство продавцов в немецких книжных магазинах — женщины. Они сначала сами читают эти романы, а потом рекомендуют их покупателям.

Конечно, на симпозиуме много говорилось о пропаганде русской литературы в Германии, о том, что надо устраивать рекламные встречи на телевидении, хотя это и дорого, публиковать статьи о русской

современной литературе в прессе, организовывать совместные ярмарки, пятое-десятое, но я в своем выступлении сказал, что книга становится знаменитой, как правило, на гребне какого-то мифа. И когда под натиском времени разрушается миф, тогда и книга приобретает свой естественный масштаб, который бывает достаточно скромным даже в том случае, если книга гениальна, потому что мир живет не книгами, в том числе и гениальными. В свое время, скажем, на волне эйфорических ожиданий от Советского Союза нового пути на Западе читали даже третьесортных наших авторов. Потом на волне антисоветизма давали Нобелевские премии не лучшим произведениям наших крупных литераторов...

— Подозреваю, что вы имеете в виду «Доктора Живаго».

— Да. Пастернак, безусловно, великий поэт, но Нобелевскую премию получил за самое слабое свое произведение. Вообще некоторые страны, чтобы популяризировать свою литературу, просто финансируют издания своих авторов за границей. Россия, конечно, ничего подобного не делает, но она всегда давала своим авторам гораздо более мощный толчок: создавала им такую судьбу, которой, может быть, себе и не пожелаешь, но которая приносила всемирную славу. А потом автор, если оставался жив, что случалось далеко не всегда, мог на этом гребне интереса существовать довольно долго, пока миф не иссякал и восторженная общественность не становилась снова равнодушной к литературе, как ей и надлежит быть в своей серьезной трудовой жизни. Так что, если у нас в России все будет развиваться благополучно, то интереса к нашей прозе на Западе ждать не стоит. Вместе с тем, поразмыслив, я пришел к выводу, что мы со своей стороны платим немцам полной взаимностью. Я попытался вспомнить, какого последнего немецкого автора я читал, и обнаружил, что это был Гете.

Так, наверно, и не разглядим друг друга, ослепленные каждый своим мифом. Ведь миф — это не обязательно стопроцентная выдумка, миф — это модель явления, предназначенная не для понимания, а для возбуждения простого, сильного чувства, отгоняющего сомнения. Боюсь, общественное сознание только такие модели и способно воспринимать — в этом мы не отстаем от Европы. Я, например, постоянно преодолеваю в себе представление, что после Кафки, Томаса Манна, Музиллы, Гессе в этом бюргерском немецкоязычном мире уже ничего стоящего появиться не может. А «бюргерский мир», в свою очередь, ждет из азиатской, гулаговской России непременно чего-то экзотического: нормального культурный писатель ему не интересен, ему подавай шамана в бубенчиках, зека в ватнике, когедара из подполья... Но в этом трамвае все немногочисленные места, похоже, заняты, а остальным придется ждать до нового мифа. И он, не дай бог, может и прийти — и неплатежи нарастают, и выборы не за горами...

Мифы, мифы... Главная движущая сила истории. Но почему-то в России принято культивировать мифы все больше разрушительные. Сегодня, например, усиленно навязывается миф, будто литература больше никому не нужна. Носятся даже слухи, что в самой «Литературной газете», чья и репутация, и подписка стоят на литературе, кормилица-литература будет низведена чуть ли не до отдела «Разное». Но, надеюсь, это тоже только миф.

Санкт-Петербург

Мелихов Александр

20.08.98

320